

КТО И КОГДА СТРОИЛ КАМЕННУЮ СОФИЮ В КИЕВЕ?

Сложная историография времени учреждения митрополии Руси неоднократно сказывалась на времени возведения каменного кафедрала Софии в Киеве. Большинство долго склонялось относить начало стройки к 1017 г., а то и застолбить 1011 г. В 1980-е годы начало расти число ученых, указывающих на начало стройки в 1037 г. и завершение, вместе с декором всего храма, в 1046 г. Среди последних был взвешенный в своих оценках, выдающийся историк архитектуры и археолог Павел Александрович Раппопорт (29.06.1913–11.09.1988). Вот почему моя скромная статья была задумана в сборник, посвященный столетию со дня рождения знаменитого исследователя. Этому «эрмитажному» сборнику не суждено выйти в июне в связи с крупной программой чествования своего многолетнего сотрудника Институтом истории материальной культуры РАН вместе с Государственным Эрмитажем. Международная научная конференция, посвященная военному и храмовому зодчеству средневековой Руси, состоится в Санкт-Петербурге 22–24 октября 2013 г. Тексты докладов будут опубликованы в 2014 году. Обсуждаемыми на заседаниях будут и темы и вопросы, животворные на протяжении полутора десятилетий работы сотрудников ИИМК, в том числе многочисленные труды Павла Александровича. Их качественный вес дано нам припомнить сегодня, также и в тех случаях, когда достижения прошлого открывают новые разыскания, виды и результаты. Чему примером данная статья.

Для П. А. Раппопорта Киевская София была не предметом монографического изучения, но объектом пристального внимания, собственных наблюдений и выводов при включении этого замечательного памятника византийской архитектуры в его обобщающие труды по истории древнерусского зодчества¹. Его же перу в каталоге архитектурных памятников домонгольского времени принадлежит взвешенный и беспристрастный итог изучения этого монументального собора. Вскоре он обновил свои выводы в связи с попыткой оспорить достигнутые скромные, но достоверные результаты, относящие начало постройки каменной Софии к 1037 г. Он убедительно аргументировал, что та же самая артель мастеров, что воздвигала Киевскую Софию, в 1045 г. начала строить Софию Новгородскую. Он признал полную надежность свидетельства хроники Дитмара о пожаре деревянного кафедрального ансамбля в Киеве в 1017 г. и его восстановлении до августа 1018 г., а также необоснованность датировки постройки каменной Софии ссылками на невнятные буквенно-цифровые граффити или на знаки на днищах голосников, так как их принадлежность остается спорной [9, 10]².

Интерес к времени возведения каменного митрополичьего собора Софии в Киеве и разногласия по этому поводу приобрели на рубеже наших тысячелетий необычный размах. Разгоревшиеся страсти среди спорящих любителей древностей сказались и на полемических выступлениях профессионалов. Заслуженные стражи величественного памятника Киева выдвинули смелую гипотезу, что раз митрополия в Киеве была учреждена уже в 988/989 г., то, следовательно, и строительство каменного кафедрала, «достойного державной Руси», было под стать Владимиру Великому. По их мнению, строительство храма было начато им в 1011 г. и завершено его сыном и преемником Ярославом Мудрым в 1018 г. [6, о датировке собора с. 185–240]. Доказательством

¹ С должным признанием это было отмечено посмертным изданием его монографии, посвященной строительному производству на Руси X–XII в., на английском языке со вступительным словом Сирила Манго: [18].

² Там содержится решительная критика соображений Г. Н. Логвина, высказывавшегося за 1017 г.

этой ранней датировки принято считать несколько древнейших граффити, приписываемых годам с 1018 по 1039. А так как все эти гадательные фрагменты выцарапаны на фресках, то и они вместе с декором Софии не могли быть выполнены ранее 40-х годов XI в. Однако полная свобода изложения в печати доказательств в пользу 1011–1036 г. оказалась научно полезной, поскольку обнаружила источниковедческую слабость и незнание исторического ремесла сторонниками этих датировок, их крайнюю пристрастность в восприятии и толковании данных. Например, отрывок из трех букв греческого граффито на росписях южной башни (φ, μ, ζ) был однозначно прочитан как запись сентябрьского года [6]547 (1038/1039), хотя палеограф А. А. Евдокимова отметила, что это лишь один из нескольких возможных смыслов, если допустить цифровое значение этих букв. К тому же, придерживаясь таким образом обоснованной даты, авторы не решились поддержать свои утверждения фотоснимком [5, с. 205–240, (на с. 214 примеч. 75 — описание отрывка граффито из башни)]³.

Постепенно тезис В. Н. Лазарева и его последователей подкреплялся новыми аргументами. Важным, хотя и не сразу замеченным, оказался труд исследователя византийской и древнерусской архитектуры А. И. Комеча [2]. В первые годы нашего столетия никто, кроме разве что В. Д. Сарабьянова, не вел исследований по идентификации изображений святых и преподобных монахов. Благодаря анализу фресковой росписи ряда монастырских соборов на Руси с XII по XIV в. выявилось вполне вероятное присутствие двух иероионок из студитов в росписи Успенского собора Киево-Печерского монастыря. Фрески этого собора, построенного в 1073–1077 г. и расписанного в 1086–1089 г., стали образцом для древнерусских кафоликонов. Они погибли в 1941 г. при взрыве собора (см.: [12]).

О. С. Попова, анализируя движения византийского религиозного искусства с точки зрения искусствоведа, не вторгалась в источниковедческие споры историков. В те годы, то есть на рубеже наших столетий, восточнохристианское искусствоведение придерживалось общей характеристики монашества, и о студитах речи не было. Исследовательница, привлекая разнообразный иконографический материал — мозаики и фрески в декоре храмов, миниатюры в лицевых рукописях и иконы, — пришла к выводу, что внимание иночествующих художников сосредотачивалось на придании образу одухотворенности, напряженности стиля, атмосфере душевного спасительного монастырского быта. Новым в этом искусстве явилось воплощение образов аскетов, достигших высокого духовного уровня. Инициатором создания такого духовного подъема в искусстве явилась монастырская среда. Чисто искусствоведческий анализ мог дать лишь приблизительный результат, в данном случае, как оказалось, не лишенный достаточной степени достоверности. Близость стиля обнаружилась в декоре трех храмов, датированных тогда в пределах второй четверти XI столетия, — кафоликонов преподобного Луки Фокидского в Элладе и Богородичного Неа Мони на о. Хиос в Эгейском море, а также Софийского кафедрала в Киеве. При этом наиболее родственными по уровню духовности оказались декоры Фокиды и Киева. Аскетизм в полной мере проявляется еще в мозаиках и фресках 50-х годов XI в., в том числе в кафедрале Софии в Солуни, но уже в 60-х годах XI в. аскетическое искусство монастырских соборов хотя и не было забыто, но отошло на второй план. «Студийский вопрос» был исследовательнице чужд, а существование «студийской композиции» во фресках Киевской Софии было совершенно неизвестно. О. С. Попова стремилась понять, чем было вызвано появление этой духовной атмосферы и ее кратковременность: влиянием какой-то духовной личности и укреплением роли монашества, или это результат воздействия какой-то уже известной или приобретающей известность знаменитости [7]⁴.

³ Многочисленные граффити Софии XI–XV в. остаются ценными первоисточниками, но попытка изменить датировку Киевского кафедрала на основании нечетких фрагментарных граффити не оправдала надежд, и многие специалисты по эпиграфике считают сделанные на их основании выводы лишь смелыми догадками, что вполне подтвердил круглый стол в Киеве, см. сб.: [1].

⁴ Роль студитов в созидании Софии Киевской в начале нашего столетия еще не была известна.

Историк рискнет указать тут на философа и подвижника Феодора Студита, к тому времени уже два столетия пребывавшего на небесах, но не забытого сотнями своих иноков, как сосредоточенных в столичной Студийской киновии св. Иоанна Предтечи, так и рассеянных на землях и рубежах империи христиан, — везде, где хотел их видеть игумен Михаил Мерминтул, ставший достойным продолжателем дела великого реформатора византийского монашества.

25 апреля 1043 г. патриархом стал Михаил Кируларий, мирянин, скрывавшийся в 1040 г. в одном из монастырей во избежание опалы. Монашество, в первую очередь студиты, признало его поставление незаконным из-за отсутствия многолетнего иночества. Властолюбивый патриарх, готовый назидать василевсов, решил ликвидировать независимость студийского движения и вычеркнул имя победителя иконоборцев из Синодика православия, чтобы пресечь память о Феодоре Студите как святого (с 844 г.). Возмущение начинаниями Кирулария, возглавляемое игуменом Студия Мерминтулом, нашло поддержку Константина Мономаха, понявшего, что посягательства патриарха угрожают власти императора. Кируларий принужден был смириться и отозвать свое распоряжение, аннулировав его гласно в ходе богослужения в Агии Софии.

В монашеской среде и части архиерейства возобновилось также стремление ограничить права патриарха, в частности, вернуться к избранию митрополитов местными синодами. В империи Ромеев такое намерение не было популярно, но нашло действенную поддержку митрополии Руси и ее властелина Ярослава Мудрого.

Под влиянием митрополита Феопемпта и его студийского иночества, в том числе мастеров, строивших и декорировавших Киевский кафедрал, нашлись художники, написавшие у алтаря портреты двух игуменов — святых Феодора и Николая-исповедника. Об этом мы узнали лишь недавно, и мы связываем это с событиями 1043 г. Не так давно стало известно, что тот же Феопемпт, ученик Алексея Студита, возвращаясь из визита в патриархию в 1039 г., привез монастырский устав в Алексеевской редакции (сохраненный в Новгороде в славяно-русском переводе, тогда как греческий оригинал до нас не дошел). Насколько влиятельна была деятельность студитов, сказалось после кончины Феопемпта. После 1 сентября 1050 г. или в начале 1051 г. выдвинутый Ярославом Мудрым «мних и прозвитер Иларион» был поставлен в митрополиты в Киеве синодом, состоявшим из пяти епархиальных епископов (одним из них был русин Лука-Жидята). Актом, явно нарушавшим права патриарха, было прежде всего рукоположение (освящение). Настолование митрополита должно было состояться в его кафедральном соборе, то есть в Киевской Софии; следовательно, тут нарушения не было. Политический авантюризм Михаила Кирулария довел до церковного кризиса в империи, но в Киеве его продолжали признавать патриархом. Император и Ярослав были заинтересованы в восстановлении согласия, тем более что в Киеве понимали, что Русь даже в своих духовных верхах не была богословски и церковно в целом самостоятельна, а временными успехами была обязана греческим и славянским студитам. К осени 1053 г. конфликт был улажен [8: Прил. 1]⁵.

***

Археологическими исследованиями было установлено, что укрепленная площадь города Владимира в Киеве сводилась к 10 гектарам, тогда как город Ярослава охватывал укрепленную часть Киева площадью в 70 гектаров. Однако среди исследователей не было согласия относительно даты начала строительства мощных валов: в самом начале правления Ярослава или уже после событий 1036 г.? П. А. Раппопорт понимал, что от решения вопроса о начале строительства каменного митрополичьего собора в 1018 или в 1037 г. зависит осмысление важнейших страниц

---

⁵ Статья «О поставлении священноинока Илариона митрополитом Киевским». Владимир Дмитриевич Сарабянов любезно предоставил мне портреты Феодора Студита и Николая Исповедника, а также тексты своих изданных и еще к тому времени не изданных работ уже в середине 2009 г., бескорыстно и дружески помогая в моем разыскании следов присутствия и деятельности студитов на Руси в X и XI в.

летописания и особенностей становления христианской Руси и ее зодчества. Вот почему внимание к датировке основания каменной Софии выходило и выходит за пределы, присущие одиночному памятнику.

В начале 1980-х годов П. А. Раппопорт принадлежал к тем немногим, кто должным образом оценил значение свидетельства епископа Мерзебургского Дитмара для понимания летописных статей о времени начала строительства каменного кафедрала. Дитмар писал (Хроника, кн. 8, 32), что «14 августа 1018 г. Киев принял князя Болеслава и своего долго отсутствовавшего господина Святополка. Архиепископ этого города чествовал прибывших мощами святых и прочим всевозможным благолепием в святом монастыре Софии, который сгорел в прошлом году по несчастному случаю»⁶. Он не написал, что сожженный храм был деревянным, но это следует из самой возможности его восстановления менее чем за год. Это достоверное свидетельство вернувшегося из Киева саксонского участника похода было записано Дитмаром до его кончины 1 декабря 1018 г. и сохранилось в оригинале; следовательно, оно не подвергалось переписке с ее случайными или намеренными изменениями. Несколько ранее Дитмар успел узнать из Польши (Хроника, кн. 7, 65), что, посадив изгнанного тестя (Святополка) на киевском столе, Болеслав, довольный достигнутым успехом, вместе со своим воинством вернулся домой. Павел Александрович, подводя итоги изучения сведений об отстройке дубовой Софии в Киеве, сразу же заметил, что, вопреки мнению большинства исследователей, шокированных тем, что митрополия была названа «монастырем», эта запись позволяет полностью понять смысл летописных показаний без каких-либо натяжек и лишних конъектур, перестановок и переосмыслений.

Во всей христианской вселенной, и особенно часто в Средневековье, общежительный монастырь, называемый также согласно греческому образцу кинovieй, выступал в двух видах. Первый — община монашествующих, возглавляемая настоятелем (преимущественно игуменом), организующим монашеский быт и богослужебный порядок на основании типикона, то есть монастырского устава. Второй тип монастырского общежития, в отличие от первого, не был автономен, а составлял часть триединого территориального и архитектурного ансамбля. Этот ансамбль состоял из соборного храма, кафедральный характер которого указывал на имевшуюся там кафедру архиерея как владыки, возглавляющего епархиальную организацию церкви согласно с государственным управлением империи. Выбирать настоятеля такой киновии не было нужды, ибо ее возглавлял архиерей, начиная с 988 г. митрополит Киевский, выдвигаемый патриархом. И только после настолования (то есть интронизации) в Киевском кафедрале, требующего согласия киевского князя, сам митрополит в пределах порученной ему митрополии получал право посвящения в духовный сан, а также его лишения. Согласно церковному праву архиереем мог стать лишь монах с многолетним стажем, но этот принцип нередко нарушался властями.

Дитмар употребил в Хронике латинское слово *monasterium* и во втором значении, широко использовавшемся в немецких странах в IX—XI в. Уже с конца XI и по XVIII в. обычно употреблялось немецкое слово *Münster* также в обоих его значениях⁷. В светских европейских обществах, особенно в XX столетии, это кафедральное значение слова *монастырь* целиком вышло из употребления, и поэтому приходится ссылаться на архитектурно-кафедральный ансамбль, ибо его монашеская суть перестала быть заметной.

⁶ Указание на книги, то есть главы, Хроники Дитмара позволяет пользоваться любым изданием текста и его разноязычными переводами. Отсылаем тут к общедоступному изданию фрагментов хроники, их переводу и обстоятельному комментарию А. В. Назаренко: [4, с. 137, 142–143 и 193–201, примеч. 85–111].

⁷ См. «in Germania cathedralis ecclesiae dicuntur Münster», словари: [14, Col. 457]; *Grimm J. u. W. Deutsches Wörterbuch*. 1877. Vol. 6. Col. 2698; *Novum Glossarium mediae latinitatis ab anno 800 usque ad annum 1200*, ed. Fr. Blatt, fasc. Mil-Moz, Hafnue, 1963. Col. 765–766.

По этой причине его значение в годы, близкие временам Владимира Великого и Оттона III, следует вспомнить, начиная с уже хорошо нам знакомого Дитмара, который дважды упоминает епископа Познанского Унгера. Желая же отметить кончину в 1012 г. высоко им ценимого архиерея, он вспоминает «Унгера, Познанской киновии пастыря» (Unger, Posnanensis caenobii pastor). А ведь латинское *caenobium* — калька с греческого, на Руси — киновия, то есть общежительный монастырь. Автор древнейшего описания чудес св. Войцеха, вероятный участник празднования его прославления святым в марте 1000 г. в кафедральном соборе новоучрежденной Гнезненской митрополии, называет его «in monasterio Gneznensi». И Вроцлавский епископ Циприан в грамоте 1202 г. называет свой кафедрал Иоанна Крестителя просто «in monasterio S. Johannis». Добавим, что даже кафедральный собор св. Петра в Риме иногда был называем Папой Римским «монастырем апостола Петра».

Архидиакон Павел Алеппский, прекрасно осведомленный в церковных делах и архитектуре многих кафедральных ансамблей Антиохийского, Иерусалимского и Константинопольского патриаршеств, называвшихся зачастую просто «монастырями», упоминая же Митрополичий собор Софии Киевской, также назвал его монастырем. По дороге в Москву он пребывал с 10 июня по 1 июля 1654 г. в Киеве, где в течение трех дней патриарх Макарий и его сотрудники были гостями киевского митрополита Сильвестра (Коссова). Павел Алеппский сообщает, что они «прибыли в монастырь церкви святой Софии, которая есть кафедра митрополии Киевской и всей земли казаков [называемой также] Малой Россией. Нас встретил митрополит кир Сильвестр со своими епископами и настоятелями монастырей»⁸.

Сторонникам более раннего начала строительства каменной Софии в Киеве, то есть до 1037 г., следует напомнить, что в свете результатов исследований последних десятилетий нет оснований возвращаться к не оправдавшим себя предположениям зачастую столетней давности (М. Д. Приселков и другие), поставившим под сомнение достоверность свидетельства составителя летописных статей 1036 и 1037 г. Это еще не была Повесть временных лет, но уже Киево-Печерское летописание нескольких образованных иноков, поскольку все печерские монахи были грамотными по образцу студитов. И это они восхваляли в умершем христианского государя, ставшего благодаря своей просветительской деятельности Мудрым. Чтобы прославить новый великий Дом Божий, пришлось вспомнить об обузданных язычниках. Еще были живы свидетели событий 1036 г. и последующих лет. После неожиданной смерти на охоте черниговского князя Мстислава, то есть, вероятно, осенью 1036 г., печенеги, стремясь ворваться в город, «ступишася на месте, иде же стоить ныне святая Софья, митрополья русьская, бе бо тогда поле вне града»⁹. Тем, кто не замечает этого свидетельства, ссылаясь на неясные показания поздних списков новгородского летописания, необходимо пересмотреть свою точку зрения и признать, что изложенные здесь доказательства согласуются с приведенным выше свидетельством Мерзбургского епископа.

* * *

Датировка каменного митрополичьего собора в Киеве в пределах 1037–1046 г. была подкреплена моим исследованием 1981 г. [17]. По вопросам его сложной летописной традиции

⁸ Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским, перевод с арабского Г. Муркоса // ЧОИДР. Ч. 183. 1897. Кн. 4. С. 65. Из-за незнания арабского языка я просмотрел, кроме русского, переводы на английский, французский и польский языки. Учитывая прекрасное знание переводчиком церковной терминологии, также греческой и русской, перевод на русский язык следует признать лучшим.

⁹ Повесть временных лет. Изд. 2-е. СПб., 1996. С. 66–67. О значениях слова «поле» см.: [13, с. 72–73]. Церковь св. Николы была построена в XI в. «от града 5 поприщъ вдале, на чисте поле». Святослав Ярославич в 1073 г. передал игумену Печерскому Феодосию для постройки каменного монастырского собора Успения «место в своем поли».

мы переписывались с П. А. Раппопортом. В письме 21 июля 1987 г. он замыслил перевести мою статью в дополненной редакции на русский язык, предложив более подробно рассмотреть политические события 1015—1054 г., явно разделяющие время княжения Ярослава Владимировича на два периода. Первый охватывал борьбу Ярослава за овладение Русью и завершился в 1026 г. компромиссным соглашением с братом Мстиславом Тмутараканским, ставшим князем Черниговским и захватившим половину Руси, то есть все восточное Надднепровье. Неожиданная смерть Мстислава, разгром печенегов на подступах к Киеву и заключение в тюрьму Судислава, младшего из сыновей Владимира, пытавшегося сесть на освободившийся княжеский стол в Чернигове, радикально меняют с 1036 г. роль Ярослава: «и бысть самовластець Русьстей земли»¹⁰. Ярослав оставляет Новгород в управлении сына Владимира и сосредотачивается на расширении и строительстве Киева, в первую очередь на постройке каменной Софии, то есть на реализации замысла Владимира Великого.

Росписи и мозаики Софии были завершены ранее 1049 или 1050 г., поскольку именно тогда будущий митрополит иеромонах Иларион в своем знаменитом «Слове о законе и благодати» сообщал, что созданный Ярославом Мудрым «великий Дом Божий на святость и освящение граду твоему раскрашен всякой красотой, золотом и серебром и камнем дорогим... церковь возвел необычную во всех окружных странах, другой такой нет во всем полуночьи земном», то есть в Европе севернее Альп и Карпат [3, с. 97 (л. 192а списка Синод. 591)]¹¹. Иларион мог так утверждать на основании сведений, полученных от послов, пребывавших в эти годы в Киеве. Среди них в 1048 и 1049 г. Киев и Тавриду посещало посольство короля Франции, возглавлявшееся двумя епископами и другими церковными сановниками. Их пребывание в Киеве завершилось сосватанием Анны Ярославны за короля Генриха [16].

Учитывая строительные работы, предпринятые в Киеве после событий 1036 г., Софийский митрополичий собор мог быть завершен в полном объеме не ранее 1045 и не позднее 1047 г. День 11 мая, как праздничный день в Константинополе в память освящения Агии Софии, стал со временем праздничным днем освящения митрополичьих соборов св. Софии в империи. Воскресенье не было обязательным днем освящения храма, но бывало, что совпадало с 11 мая. Тогда день освящения становился вдвойне праздничным. В 1045 г. день 11 мая пришелся на субботу, в 1047 г. — на понедельник, а в 1046 г. — на воскресенье. Однако такое счастливое совпадение имело значение только в том случае, если храм был в основном богослужебно готов быть освященным.

Неожиданным для всех нас событием, главным виновником которого стал В. Д. Сарабьянов и последствия которого все еще не осмыслены, явилось открытие в росписях у главного алтаря Софии Киевской изображений двух известных студитов: игумена Студийского монастыря Феодора Студита († 826) и следующего за ним игумена Николая Исповедника († 868) [11, с. 3—8, 31]¹². Уже то, что в росписях Киевского кафедрала столько места заняли святые и преподобные монахи, сблизало его с монастырскими соборами, в первую очередь с двумя названными кафоликонами. Учитывая непросохшую кладку только что возведенного храма, выполнение мозаик и фресок могло начаться не ранее 1042 г. и совпасть с разногласиями между Студием и Кируларием, стремившимся стать преемником преклонных лет патриарха Алексея Студита. Положение русьских студитов во главе с митрополитом Феопемптом, поддерживаемое князем Ярославом, укрепилось. После кончины Феопемпта синод епископов смог поставить в митрополиты Илариона, но уже в 1053 г. патриарху удалось восстановить право поставления киевских митрополитов, и Илариону пришлось отречься от сана и престола.

¹⁰ Повесть временных лет. С. 62—68.

¹¹ Цитируемый текст дан в переводе.

¹² Подробнее об этих двух изображениях и церковных делах на Руси в середине XI в. см.: [8, с. 18—45, особ. с. 29—40].

Появление студитов в X в. на Руси и участие их мастеров в построении каменной Софии в Киеве не были случайны, на что указывает новая программа росписи собора, состоявшая в увеличении числа изображений святых и преподобных монахов, а вместе с ними студитов на стенах храма. Многие изображения монахов на стенах Киевской Софии все еще безымянны.

Изображения Феодора Студита в миниатюрах иллюстрированных псалтирей появлялись еще в IX и X в. Но храмовые изображения студитов принадлежат уже XI в., причем, как ни странно, до 50-х годов XI в. они известны лишь в трех храмах — двух монастырских соборах и Киевском кафедрале. Собор монастыря преподобного Луки в Фокиде датировался близко к началу XI в., но пересмотр сложной архитектуры всего ансамбля позволил отнести постройку самого кафоликона силами местной элладской знати ко второй половине 30-х годов XI в., тогда как выполнение его декора состоялось в пределах 1043—1048 г. благодаря финансовому участию императора, о чем свидетельствует название его ктиторм¹³. Монашеско-аскетический характер и высокий духовный уровень декора сближают Оснос Лукас с Софией Киевской. И хотя ктиторм последней был Ярослав Мудрый, а труд студийских мастеров надзирал митрополит Феопемпт, ошутим контакт с игуменом Студия Михаилом Мерминтулом, пользовавшимся доверием Константина Мономаха. Богородичный собор Нового монастыря (Неа Мони) на о. Хиос строился и расписывался при финансировании и ктитормстве самого Константина Мономаха не во второй, как полагали, а в первой половине его царствования¹⁴. Император, обычно полный колебаний, в данном случае проявил свою волю, но в действительности именно Михаил Кируларий вызвал протест студитов, приведший, вопреки ему, к появлению изображений студитов в декоре трех названных храмов. Изложенные данные позволяют полагать, что эти случаи дали начало дальнейшим появлениям изображений студитов в храмовом декоре. На протяжении IX и X в. было немало причин и предлогов, задерживавших их введение на стены храмов. Впрочем, не всегда бывает так, что победители пишут историю. Так было и с торжеством православия.

Взгляды Феодора Студита нередко оспаривались среди высшего духовенства, а часто попросту замалчивались. В Киеве в 80-е годы XI в. Нестор-агиограф, дабы не вызывать разногласий среди духовенства, решил не упоминать учителя Феодосия Печерского и, умолчав о Феодоре Студите, сосредоточился на образе его учителя св. Саввы Освященного. Однако вопрос о времени «выхода» студитов на стены храмов не следует считать решенным, хотя такие храмы неизвестны до 40-х годов XI в. и в письменных источниках упоминаний о них не найдено. Император Василий II настойчиво поддерживал студитов и с нарушением церковного права поставил в патриархи в 1025 г. Алексея Студита († 1043). Но нет оснований приписывать ввод в храмовый декор изображений своих святых и преподобных самим студитам. С их строгими требованиями к самим себе они обоснованно могли считать, что такая инициатива должна быть делом верховной церковной иерархии, согласованным с императором. А, как известно, одолевшие иконоборцев студиты, начиная с Феодора Студита и других требовательных игуменов, никогда не искали поддержки церковных сановников. Своими принципиальными требованиями, предъявлявшимися к императорам и их окружению, к патриархам, начиная с архиереев разных степеней и избегавших подвижничества монахов, они вызывали недовольство верховных светских и церковных властей.

Студиты постоянно требовали нравственно примерного поведения, подобающего христианину. Феодор Студит, богословствуя, прививал студитам чувство ответственности

---

¹³ Итоги разысканий подвел Н. Икономидис [15].

¹⁴ Из исследований историков архитектуры следует, что в начальном виде монастырь Неа Мони был построен Михаилом IV Пафлагонцем, а Константин Мономах обстроил кафоликон галереями и дополнил интерьер мозаикой и фресками. Собор упоминается в 1045 г., следовательно, уже существовал или достраивался и декорировался в это время, см.: [19].

за всю земную Церковь. Нам в последнее столетие казались мелкими споры о первых годах становления Софии Киевской. Неожиданно сегодня нам случается узнать, что в создании этого монументального здания, символизирующего зрелость стольного города, трудились студиты. Ни монголо-татарам, ни мнившим себя христианами варварам, желавшим завладеть Софийской святыней или разорить ее, ни кривоязычным большевизированным дикарям, готовым разрушить Софию, а куски фресок и мозаик отправить в музеи или продать за границу, не было дано превратить Киев в дикое поле.

Литература

1. Заснування Софійського собору в Києві: проблеми нових датувань. Матеріали круглого столу под ред. П. П. Толочко и др. Київ, 2010.
2. Комеч А. И. Древнерусское зодчество конца X — начала XII в. М., 1987.
3. Молдован А. М. Слово о законе и благодати Илариона. Киев, 1984.
4. Назаренко А. В. Немецкие латиноязычные источники IX—XI веков. М., 1993.
5. Никитенко Н. Н., Корниенко В. В. Древнейшие граффити Софийского собора в Киеве и его датировка // *Byzantinoslavica*. 2010. Т. 68. С. 205—240.
6. Никитенко Н. Н. Русь и Византия в монументальном комплексе Софии Киевской. Киев, 1999.
7. Попова О. С. Аскетическое направление в византийском искусстве второй четверти XI в. и его дальнейшая судьба // *Византийский мир*. Сб. памяти И. О. Подобедовой. М., 2005. С. 175—204. 24 ил.
8. Поппэ А. Студиты на Руси. Истоки и начальная история Киево-Печерского монастыря. Кипв, 2011. С. 101—124.
9. *Ряппопорт П. А.* Русская архитектура X—XIII в.: Каталог памятников. Л., 1982. № 10. Киев, Софийский Собор. С. 11—13.
10. *Ряппопорт П. А.* К вопросу о строительстве Софийского собора // *Строительство и архитектура*. Киев, 1988. № 3. С. 25—26.
11. *Сарабьянов В. Д.* Образ монашества в древнерусском искусстве XI — сер. XII в. // *Сборник Института искусствоведения МГУ «Идея и образ»* / Ред. Э. С. Смирнова. М., 2010. С. 1—33.
12. *Сарабьянов В. Д.* Росписи Успенского собора Киево-Печерской Лавры в традициях древнерусской храмовой декорации // *Искусствознание МГУ*. М., 2004. Вып. 2. С. 188—236.
13. *Словарь древнерусского языка (XI—XIV в.)*. М., 2004. Т. 7.
14. Du Cange. *Glossarium mediae et infimae latinitatis* (Изд. 1885). Т. 5.
15. *Oikonomides N.* The First Century of Hosios Lukas // *Dumbarton Oaks Papers*. 1992. Vol. 46. P. 245—256.
16. *Poppe D. and A.* The Autograph of Anna of Rus', Queen of France // *Journal of Ukrainian Studies*. Toronto, 2008—2009. Vol. 33—34. P. 400—406.
17. *Poppe A.* The Building of the Church of St. Sophia in Kiev // *Journal of Medieval History*. 1981. Vol. 7. P. 15—66.
18. *Rяппопорт P. A.* Building the Churches of Kievan Russia // *Variorum*, 1995.
19. *Voyadjis S.* The Katholikon of Nea Moni in Chios Unveiled // *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik*. 2009. B. 59. P. 229—242.